

МУЖСКОЕ / ЖЕНСКОЕ В «СКВЕРНОМ АНЕКДОТЕ»

Сергей Дауговиш

Латвийский университет
Отделение славистики

Для рекомбинаторной поэтики Достоевского вполне обычны и даже частотны разномасштабные гендерные эксперименты, функциональность которых простирается от **перекодировки сюжетных ролей** (*княжна Катя* глазами Неточки: «ножка выглядывала из-под одеяла» vs. *Настасья Филипповна* глазами *князя Мышкина*: «выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги» [II, 210; VIII, 503]¹) до **ситуативного перемонтажа** фрагментов **чужого текста** (ср. физиономические жеманства перед зеркалом гоголевской красавицы Оксаны и юного социалиста Коли Красоткина: «Что тут хорошего в этом вздернутом кверху носе? <...> Я вижу теперь, что я совсем не хороша!» [Гоголь 1940, 207] и: «“я не хорош, я знаю, что я мерзок лицом” <...> нос маленький и решительно вздернутый: “Совсем курносый, совсем курносый!” – бормотал про себя Коля, когда смотрелся в зеркало» [XIV, 478]), а равно – и **текста своего** (превращение

мадонноликой *Natalie* «Маленького героя» – из тех женщин, которые «будто и рождаются на подвиг», – в *Наталью Васильевну* «Вечного мужа» – «одну из тех женщин, <...> которые как будто для того и рождаются, чтобы быть неверными женами» [II, 273, 277; IX, 26, 27]).

Комбиционность такого рода явно предопределяет и текстовую логику «Скверного анекдота», в «пьяном» сюжете которого роль автора оспаривается «соавторством» героя – амбивалентной в гендерном отношении фигурой «молодого генерала» *Ивана Ильича Пралинского* [V, 7], чья фамилия образована от названия «дамского» лакомства. (Следует отметить, что и фр. *Praline* – это субстантив женского рода [Эртель 1842, 208]).

Вообразив самого себя (не без действия шампанского, позднее смешанного с «мужским» напитком – водкой) в роли почетного свадебного гостя, *Пралинский* пытается совершить «патриархальный» поступок и стать героем «священнейшего анекдота», долженствующего навсегда сохраниться в семейном предании рода *Пселдонимовых* [V, 13, 14]. Однако условно правильный сценарий задуманного действия слишком сложен для испол-

¹ Здесь и далее все тексты Ф. М. Достоевского цит. по: Ф. М. Достоевский, *Полное собр. соч. в 30 т.*, Ленинград, 1972–1990. Римск. цифрами указ. тома, арабскими – страницы.

нения ввиду фатальной его зависимости от пародийных наслоений [Oliver 2003, 171–185], неизбежно порождаемых гетерогенной обстановкой «бешеного» [V,15–16] и многолюдного веселья.

Угождая низкому «обществу», вниманием которого он непременно желает овладеть, Иван Ильич претерпевает метаморфозу комического снижения: его начальственно-отеческое «Имя собственное <...> несколько раз кряду <...> пронизывается семами» [Барт 1994, 82], характерными для **истории женщины**.

Автор-нарратор, в беседной фельетонной манере рассказывающий о жизни главного героя, сообщает, что «в нежном детстве» Пралинский «ходил в бархате и батисте», а в зрелые годы «мечтал» об идеальном для себя браке [V, 7]. Кокетливо рисуясь перед участниками разночинного свадебного пира, Иван Ильич называет «прехорошеньким» дом, куда был приглашен на новоселье [V, 18]. Поднос «с конфетами, с пастилой, с мармеладом, с грецкими орехами <...>, для угощения <...> преимущественно дам», переносят «одному» Пралинскому [V, 21]. Захмелевшие гости, перестреливаясь «с дамами хлебными шариками», делают своей мишенью и пьющего шампанское генерала (V: 29, 30). Наконец, опьяненный до полного беспмятства незванный гость, перенесенный на «брачное ложе», оказывается в роли **молодой** [V, 39, 42], к которой обращены «увещания матери Пселдонимова, <...> имеющие традиционно “девичью” адресацию – “Потерпи, мой голубчик, потерпи, батюшка, стерпится – слюбится”» [Лейбов 1994, 167].

С **историей женщины** текст «Скверного анекдота» сопряжен и двумя сюжетно изоструктурными сочинениями молодого Достоевского. Фланерский эпизод фельетона «Петербургская летопись» (1847) [XVIII, 22], автопародийно воссозданный в судьбоносной для Пралинского ночной сцене перед домом Пселдонимова [V, 11], уже в «Неточке Незвановой» (1849) послужил развитию темы «мечты, осуществление которой не приносит счастья героине» [Гозенпуд 1971, 35].

Видя в этом жанровом смещении «ироническое переосмысление ситуации» [Гозенпуд 1981, 13], нельзя не обратить внимания и на **инверсионный строй** перемонтажа «**женской**» **истории** в **испорченный для Истории анекдот «мужской»**. Событийная последовательность пространственно-психологических конструктов повести – *бедное жилище/грёзы о богатом доме – блестящий дом/болезнь и сны о прежней бедной комнате* – принимает в «Скверном анекдоте» обратный порядок. Высокопоставленный – *из хорошего дома* – мечтатель эпохи «великих реформ» по собственной воле и воле случая попадает в *ветхий одноэтажный дом*, откуда после похмельного утреннего *забытья без снов* бежит к себе *домой*, чтобы по прошествии восьмидневной *болезни* сменить гуманность на привычную строгость.

Известно, что в журнальной редакции 1849 г. текст повести публиковался под жанровым именем «роман» и имел подзаголовок «История одной женщины», явно корреспондирующий с темой пер-

вого романа-фельетона Э. Сю «Матильда, или Записки молодой женщины», перевод которого Достоевский хотел, но не смог осуществить еще в начале 1844 г. [II, 495, 498. Комент. Н. Н. Соколоминой). Из письма (январь – февраль 1847) к брату Михаилу известно также, что «история» эта должна была иметь форму «исповеди», но «в другом тоне и роде» [XXVIII-1, 139].

Будучи нетверд (по причине идейного и алкогольного опьянения) в «принципах» построения собственного анекдота (предваряемого еще и «силлогизмом» о «встрече» с условным – «бедным» и «забитым» «чиновником» [V, 11])², Иван Ильич (подобно позднему Гоголю) смешивает жанровые коды исповеди и проповеди.

Он путает и «русские анекдоты» времен Сергея Глинки с пародиями, помещаемыми на них Добролюбовым в «Свистке»³, а равно – соединяет в

разыгрываемом им действе сюжетные схемы нравоучительной литературы 1810–20-х гг. с новомодным текстом «домашней стирки» [XVIII, 100], начавшейся еще до празднования Тысячелетия России и реанимировавшей интерес к сочинениям наподобие «Тысяча второй ночи» (1827), задуманной ее автором (Е. В. Аладыным) как чтение «про дела Русские – не заморские».

Литературоподобные (а на деле – **прикладные**) намерения Пралинского «снизойти» до «титулярного» («Славно этих оригиналов Гоголь описывал» [V, 14]) парадоксально сопрягаются Достоевским с «утилитаризмом» Добролюбова и прочих **новых Белинских**, чьи «красноречивые» писания и стоящие за ними убеждения весьма далеки от сочувственного «понимания прошедшего, < только и > гарантирующего < ... > присутствие гуманности» «в нас же» < самих > [XVIII, 91, 96].

Текст «Скверного анекдота» содержит в себе консеквентно выстроенную систему полифункциональных аллюзий, указывающих как на историю преобразований гоголевского наследия, так и на понимание «настоящего искусства» [XVIII, 101] самим Достоевским, обратившим «вопросы», заданные литературе «эпохой реформ», в предмет креативной пародии.

Авантюрное ночное хождение Ивана Ильича совершается в интертекстуальном пространстве **литературной реальности**.

Первые полсотни шагов герой делает на фоне романтической пейзажной заставки, заимствованной из «Ночи перед

² Ср.: Пис. 2007, 673–680.

³ Возможно, именно эти литературные насмешки и побудили Достоевского, крайне неравнодушно к писаниям «Г-на – бова» [XVIII, 70–103], положить в основу злключения Пралинского интригу анекдота о самом Сергее Глинке:

«Глинка подъехал на извозчике к одному знакомому дому, слез с дрожек, снял с себя сюртук, <...> положил на экипаж и пошел по лестнице. Посидев не долго в гостях, он вышел из дому, но ни сюртука, ни извозчика не оказалось.<...> Глинка пошел на биржу, где стоят извозчики, <...> – “Послушайте, братцы, – сказал он извозчикам, – вот что со мной случилось; <...> найдите мой сюртук; <...> зовут меня Сергей Николаевич Глинка”. – “Знаем, знаем, батюшка,” – закричали извозчики. На другой день сюртук был найден и вор приведен. Глинка сделал приличное наставление виновному, надел сюртук и отправился в полицию». (Цит. по: *Из жизни...*, 1882, 13–14). **Осквернение Пралинским собственно анекдота и происходит от смешения «братания» со «строгостью».**

Рождеством» Гоголя⁴. Фланерская часть генеральской прогулки оказывается продуманной отсылкой к познаватель-но-ироничному очерку Е. П. Гребенки «Петербургская сторона» – тексту «натуральной школы», изображающему «петербуржцев» любителями «ходить пешком» в окрестностях Большого проспекта, где «от этого извозчиков очень мало» [Гребенка 1984, 123].

И только «в двух шагах» от намеченной цели «отрывочные и бессвязные» рассуждения продолжающего «шагать по тротуару» [V, 11]. Пралинского прерываются реминисценцией из «Петербургской летописи» / «Неточки Незвановой» [XVIII, 22 / II, 161, 162, 163].

Но основным конструктивно-языковым материалом сюжетной рекомбинаторики служит Достоевскому бесспорно памятный ему, но активно «переписываемый» и как бы заново создаваемый гоголевский текст.

У Гоголя: «Зимняя ясная ночь», «глянули звезды», «месяц <...> поднялся на небо посветить добрым людям <...>, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа», «морозило сильнее, <...> но зато так было тихо» [Гоголь 1940, 201].

У Достоевского: «ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо», «небо было ясное, звездное. Полный месяц обливал землю матовым серебряным блеском» [V, 10]. (Отметим здесь и резко пародийную деталь: по своему **колядующий** и намеревающийся-

ся **осчастливить хозяев** пригласившего ему **дома** Пралинский предполагает действовать в духе самого Спасителя: «И вот человек меня понимает <...>, человек уловлен, так сказать, сетями, <...> для его же блага» [V: 11]).

Гоголевский «чорт», сбивающий с пути «богатого» и знающего себе цену Чуба [Гоголь 1940, 203, 204, 205], поминается раздосадованным Иваном Ильичом трижды:

- из-за пропажи Трифона с каретой,
- при мысли об идущей замуж трифоновой куме и, наконец,
- в проклятии, адресованном деревянным мосткам Петербургской стороны.

Третье чертыхание Пралинского («А не захватить ли к Эмеранс? Фу ты, черт, проклятые мостки! – вскрикнул он, вдруг оступившись. – И это столица! Просвещение! Можно ногу сломать» [V: 11]) явно **уводит героя-идеолога** от исполнения **мужского намерения**, естественность которого **увлекает самоуверенного козака**, никак не ассоциирующего наличие/отсутствие ночного светила с институционально понятным **светом разума и образования**:

«Здравствуй, Солоха!» сказал, входя в хату, Чуб. “Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? может быть, я помешал...” продолжал Чуб, показав на лице своем веселую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить кукую-нибудь колкую и затейливую шутку. “Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь!.. <...> Ну, Солоха, дай теперь выпить водки <...> Послал же бог такую ночь перед Рождеством!” [Гоголь 1940, 218].

⁴ О др. обильных переключках «Скверного анекдота» с текстами Н. В. Гоголя см.: Zhekulin 1980, 61–76; Митюрев 1989, 179–198.

Петербургец Пралинский, прилюдно решившийся на полуночный поход к Большому проспекту, обнаруживает мотивацию, подмеченную Достоевским в гоголевском сюжете:

«Сказавши это, < Чуб > уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал таки не так, как ему советовали» [Гоголь 1940, 206].

Но в итоге явление «его превосходительства» одревеневшему от неожиданности «легистратору» не выдерживает ни характерологического, ни поведенческого сравнения с анекдотически забавным визитом козака:

«— Здравствуй, Пселдонимов, узнаешь?... — сказал Иван Ильич и в то же мгновение почувствовал, что он это ужасно неловко сказал; <...> Я, брат, к тебе совершенно случайно зашел <...>»

— Ведь не прогонишь же ты меня, полагаю... Рад не рад, а гостя принимай!.. — продолжил Иван Ильич, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, <...> что юмористический рассказ о <...> Трифоне становится все более и более невозможным. <...> — Я уж не помешал ли чему... я уйду! — едва выговорил он, и какая-то жилка затрепетала у правого края его губ...» [V, 16–17]⁵.

⁵ Позднее эта рекомбинаторная модель обыгрывается и в знаменитой сцене визита князя Мышкина к Парфену Рогожину [VIII, 170–171].

ЛИТЕРАТУРА

- Барт 1994 — Барт Р., *S/Z*, Москва, 1994.
Гозенпуд 1971 — Гозенпуд А., *Достоевский и музыка*, Ленинград, 1971.
Гозенпуд 1981 — Гозенпуд А., *Достоевский и музыкально-театральное искусство. Исследования*, Ленинград, 1981.
Гоголь 1940 — Гоголь Н. В., *Полное собрание сочинений в 14 т.*, Москва, 1940, Т. 1.

Равно и **рюмка водки**, приличествующая гостевому застолью и «открывающая» веселое randevu Чуба с благосклонной Солохой, для трезвенника Пралинского предзнаменует не просто безобразно смешную, но — интроспективно — еще и трагичную «потерю лица» [V, 28, 34, 45].

К сказанному следует добавить также предположение о гендерном смешении Иваном Ильичом пространственно-мифологических кодов двух российских столиц⁶.

Незадачливость самозванного претендента на роль **патриархального реформатора**, изображающего перед бежавшими из губерний ради «фрыштика», «какой-нибудь немецкой шуле» и службы в «департаменте» обитателями Петербургской стороны **нечто в историческом роде** [V, 26, 36, 44], обнаруживает пародийную корреляцию с потугами журнала «Светоч», упорно (но вполне бесплодно) ратовавшего за слияние **женственного** «московского» и **мужественного** «петербургского» начал в общем деле «обновляющейся России».

⁶ В статье о стихотворениях Н. А. Некрасова [Время, 1862, № 7] **Ап. Григорьев отмечал, что находящаяся за Невой «Петербургская сторона больше похожа на Москву, чем на Петербург»** [Григорьев 1990, 324].

Гребенка 1984 — Гребенка Е., «Петербургская сторона», *Физиология Петербурга*, Москва, 1984.

Григорьев 1990 — Григорьев А. А., «Стихотворения Н. Некрасова», *Сочинения в 2 т.*, Москва, 1990, Т. 2.

Из жизни... 1882 — *Из жизни русских писателей. Рассказы и анекдоты*, С.-Петербург, 1882.

Лейбов 1994 — Лейбов Р., «Заметки о “Сквер-

ном анекдоте”», *Новое литературное обозрение*, 1994, № 8.

Митюрев 1989 – Митюрев С. Н., «Анекдот у Достоевского», *Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот*, Таллинн, 1989.

Пис 2007 – Пис Р., «Достоевский и силлогизм», *Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»*. Современное состояние изучения, Москва, 2007.

Эргель 1842 – Эргель В., *Французско-Русский Словарь в 2 т.*, Санктпетербург, 1842, Т. 2.

Oliver 2003 – Oliver, Donna S., “Parodic layering in Dostoevsky’s *Skvernyj anekdot*”, *Slavic and East European journal*, 2003. Vol. 47 # 2.

Zhekulin 1980 – Zhekulin, Gleb, “On the Language and Style of *Skvernyj anekdot*”, *Forum International*, 1980 # 3.

VYRIŠKA/ MOTERĪŠKA BJAURIAME ANEKDOTE

Sergei Daugovyš

S a n t r a u k a

Straipsnyje intertekstualumo plotmėje siekiama parodyti lyčių poetikos ypatumus F. Dostojevskio apysakoje *Bjaurus anekdotas*. Tekste atsiskleidžia Dostojevskio būdingas susipynęs diskursas, kur meninė parodija tampa normalia naujo teksto kūrimo praktika.

Pagrindinis Dostojevskio apysakos veikėjas Pralinskis veikia tarsi būtų vienas iš Gogolio apysakos

Naktis prieš Kalėdas herojų, tik jau veikiantis lyg įprastas ankstyvajam Dostojevskio Peterburgo svajotojas ir, tuo pačiu, lyg jauna silpnavalė moteris.

Analogiškas skirtingų rolių derinimo modelis pastebimas ir romane *Idiotas*, kai kunigaikštis Myškimas netikėtai apsilanko Ragožino name (*Idiotas*, 2 dalis, III skyrius).

Получено: 2009, март

Принято: 2009, май

Адрес автора:

Латвийский университет

Филологический факультет

Visvalža ielā 4a, Rīga LV – 1050

E-mail: language@fastnet.lv; slavi@latnet.lv